

ПРИЛОЖЕНИЕ

**ПЕРЕПИСКА ДВУХ ДИРЕКТОРОВ —
Ю.Н.РЕРИХА И А.П.КАЛИТИНСКОГО**

1.

Ю.Н.Рерих — А.П.Калитинскому*

3 июля 1930 г.

Профессору А.П.Калитинскому
директору Семинария Кондакова,
Прага, Чехословакия

Мой дорогой профессор Калитинский,

С превеликим удовольствием извещаю о Вашем избрании членом-корреспондентом Института Гималайских исследований, которое осуществлено по решению Попечителей Музея Рериха и Правления Институ-

* На бланке Института Гималайских исследований «Урусвати»; перевод с английского.

та. Попечительский совет и Правление высоко оценивают Ваш интерес к деятельности Института «Урусвати» и рады пригласить Вас к сотрудничеству.

Время от времени мы будем посылать Вам отчеты о продвижении дел. Любые предложения, которые Вы можете высказать, будут приняты нами с особым вниманием и благодарностью.

С наилучшими пожеланиями от Совета Попечителей и Правления Института.

Сердечно,

Ваш *Юрий Рерих*,
директор Института «Урусвати»

2.

А.П.Калитинский — Ю.Н.Рериху*

24 июля 1930 г.

Юрию Рериху,
директору Института Гималайских
исследований при Музее Н.Рериха в Нью-Йорке

Мой дорогой директор,

Позвольте мне выразить Вам искреннюю благодарность и принять почести, которыми Вы одарили меня, избрав членом-корреспондентом возглавляемого Вами Института Гималайских исследований.

Я постараюсь, насколько это будет возможно в моих силах, оказаться полезным в Вашей деятельности на ниве научных поисков — в решении тех проблем, над которыми Ваш Институт работает и которые по существу важны для понимания русской культуры.

Сердечно,

Ваш *А.Калитинский*

* На бланке Института Гималайских исследований «Урусвати»; перевод с английского.

3.

Ю.Н.Рерих — А.П.Калитинскому

Paris, 24 авг<уста> 1930 г.

Дорогой Александр Петрович,

Посылаю Вам 11 фотографий предметов, орнаментированных в «зверином» стиле. Английский текст скоро будет готов. Посылаю также одну фотографию каменной могилы Северного Тибета [1].

Ждем Ваших вестей об Институте. Написал секретарю нашего Himalayan Research Institute, Miss Linden, о новом Институте в Праге.

«Последние новости» (19.VIII.30) сообщили, что проф. Н.Н.Поппэ (СПб. Университета) открыл в Бурятии ряд курганов [2]. В них найдены многочисленные предметы древности: жел<езные> стрелы, копья, *стремена*, части седел, бусы и т.д. Кроме того, обнаружены предметы каменного века.

Скончался академик В.Бартольд [3]. Большая утрата.

По нашему визному делу все еще ведутся переговоры.

Шлем сердечный привет.

Искренне Ваш,

Ю.Рерих

4.

Ю.Н.Рерих — А.П.Калитинскому

Paris, 18 сент<ября> 1930 г.

Дорогой Александр Петрович!

На днях высылаю Вам дополнительный материал из моей книги. Виделся с Н.П.Толлем [4] и обсудили ряд вопросов о книге, а также касательно издания скифских и других кочевнических древностей, наход<ящихся> в частных коллекциях. Из Чехословацкого Archiv Orientalni, vol.II, 2, узнал, что в Праге издаются ряд книг на калмыцком языке. Chõnchõ: Калмыцкая хрестоматия, вып. I, II, III, 1925-27. V.L. Kovtîč: Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. 2-ое изд. 1929.

Буду Вам очень благодарен, если бы Вы прислали мне эти книги, а также сообщили их стоимость. Книги можно достать у Dr.Badma Naran Ulanov, Řevnice и Praha, Tchécoslovaquie [5].

Видел у Geuthner'a [6], что вышел сборник в честь Ф.И.Успенского [7] с Вашей статьей.

Продолжаем хлопотать о визах. Получили сообщение из Лондона, что вопрос снова пересматривается. Н.К. (Николай Константинович — ред.) шлет сердечный привет.

Искренне преданный Вам,

Ю.Рерих

5.

А.П.Калитинский — Ю.Н.Рериху

16 мая 1931 г.

Дорогой Юрий Николаевич,

Сегодня была у нас княгиня Екатерина Константиновна [8] и поделилась со мной содержанием Вашего к ней письма, где Вы выражаете свое недоумение по поводу того, что я не пишу Вам ничего о работе Кондаковского семинария. Меня это очень удивило, т.к. в двух письмах я только то и делал, что рассказывал Николаю Константиновичу о положении и ближайших планах нашей работы. Правда, я не писал о превращении Семинария в Институт, но делал это, согласуясь с желанием самого Николая Константиновича. В своем письме от 9-го января он мне писал так: «Я полагаю, что все дальнейшее мы оставим до более благоприятного часа, когда Бог судит нам опять встретиться. Отсюда обратные ближайшие указания будут брать шесть недель и, не установив все точно на коротких расстояниях, невозможно переносить на длинные расстояния. Словом, пока оставим все дело в первобытном виде». Желание выражено очень ясно, и я полагал, что все дальнейшие разговоры на эту тему носили бы характер навязчивости и не соответствовали бы тому серьезному и дружески-доверчивому тону, в котором они начались. Итак, дорогой Юрий Николаевич, я всегда буду рад поделиться с Вами нашими научными новостями и предположениями на будущее, как это делал до сих пор.

Сегодня вечером мы все, т.е. княгиня, Марья Николаевна [9], Василий Александрович и я, отправляемся на заседание Общества друзей [10]. Помолимся сначала Преподобному Сергию (служит о. <Георгий> Спасский [11]), а потом заслушаем два послания Николая Константиновича — это праздник по случаю открытия часовни в Америке [12].

Поздравляю Вас с новорожденным («Звериный стиль») — младенец хороший, Марья Николаевна Вам кланяется.

Всего наилучшего,

Ваш А.Калитинский

6.

Ю.Н.Рерих — А.П.Калитинскому

Наггар, 25 июня 1931 г.

Дорогой Александр Петрович,

Спасибо за Ваше письмо от 16-го мая с.г. Это письмо дает мне возможность поставить Вам некоторые вопросы, возникшие в связи с планами аффилиации Семинария им.Кондакова с учреждениями нашего Музея, и на которые мы еще не имели исчерпывающих ответов. Сожалею, что видимо не получили Ваших двух писем, упоминаемых Вами в письме, в которых Вы сообщали нам положение и ближайшие планы Семинария. В Вашем письме от 16-го дек<абря> п.г. Вы касались исключительно вопроса о будущих изданиях Семинария и обошли молчанием все детали преобразования Семинария в Институт имени Акад.Кондакова, которые были совершенно необходимы для дальнейшего рассмотрения вопроса об аффилиации. Мне кажется, что слова Николая Константиновича, процитированные в Вашем последнем письме, были не совсем поняты. Н<иколай> К<онстантинович> неоднократно выражал сожаление, что не удалось договориться о деталях еще во время нашего пребывания в Париже, и справедливо сомневался о возможности проведения всего плана письменно, опасаясь недоразумений. К глубокому нашему прискорбию эти опасения Н.К. до известной степени оправдались. Отношение Н.К. и всех сотрудников нашего Музея к Вам и возглавляемому Вами Семинарию остается прежнее.

Лишенные основных сведений о Семинарии, его Уставе, бюджете, личном составе, организации аффилиации и детальных планов научных работ, нам пришлось естественно отложить дело до более благоприятного часа. Все эти вопросы требуют детального обсуждения Советом Музея, а также теми лицами, которые поддерживают научную деятельность Музея. Ваше английское письмо от 16-го сент<ября> п.г. на имя Н.К. было поставлено на обсуждение Совета Музея, поддержанное в исключительном порядке нашим Почетным Президентом. К нашему глубокому сожалению заключительный параграф Вашего письма вызвал некоторое недоумение. Вы писали: «Although our problems and the methods of solving them are somewhat different from those of the Institutes you have organized in America & India (and this would only serve to make the individual branches self-existing and independent both in their inner-life and outward activities) it seems to me that under your general protection we might find contact and a broad field for friendly collaboration».*

Члены Совета Музея справедливо указали на необходимость точно выяснить этот вопрос о методах. В нашей десятилетней работе в связи со многими научными учреждениями Америки, Европы и Индии этот вопрос не возникал, и потому, до продолжения обсуждения планов аффилиации, нам необходимо знать Вашу точку зрения. Это облегчит задачу и избавит нас от ненужных трений в будущем. Конечно, обстоятельства значительно осложнили положение, но что отложено, не потеряно. Еще в Париже мы уговорились о скорейшей присылке Устава Института и его бюджета для обсуждения Советом Музея. Этот материал не был нам доставлен из Праги и потому лишил нас возможности дать ход этому делу. Итак, дорогой Александр Петрович, Вы видите, что задержки были не на нашей стороне, и что своевременная информация по организационным вопросам Института им.Кондакова значительно бы помогла делу.

Рад был видеть свою работу в рядах «Скифики». Издана как всегда хорошо. Укажите, пожалуйста, выслать мне еще 15 экз<емпляров>. Стоимость их верну чеком по получении фактуры Семинария. Из объявлений об изданиях вижу, что 1-ый том текста «Русской Иконы» [13]

* Хотя наши задачи и методы их разрешения несколько отличаются от поставленных Институтом, который организован Вами в Америке и Индии (это различие сослужило бы только тому, чтобы отыскать собственную линию развития и приобрести независимость обоих учреждений в их внутренней жизни и внешней деятельности), мне кажется, что при Вашем попечительстве мы можем установить прекрасные отношения и отыскать широкое поле для дружеского сотрудничества (англ.).

вышел в свет. Прошу выслать мне 1 экз<емпляр>. Стоимость его 10 <долларов> вышлю в Прагу. Через три дня выступаю в горы Индийского Тибета на летние работы нашего Института, где пробудем до октября. Много научных результатов.

Шлем привет Марии Николаевне. Надеюсь, ее силы вполне восстановились.

Ваш <Ю.Рерих>

7.

А.П.Калитинский — Ю.Н.Рериху

Париж, 20 сент<ября> 1931 г.

Дорогой Юрий Николаевич,

Рад был получить Ваше письмо от 25-го июня с.г. Я и сам чувствовал недоговоренность в нашей переписке и большую напряженность. Теперь, после Вашего письма, нам легче перейти, как удачно сказал Николай Константинович, в «первобытное состояние», а по слову Вашему: «что отложено, не потеряно», и начать все сначала. Задержался же я ответом, т.к. запрашивал Прагу о некоторых мне нужных данных в связи с этим ответом.

Начну с моего английского письма от 16-го сентября пр<ошлого> г<ода>, как о том Вы просите. Письмо это было написано после того, как я получил от Марьи Николаевны указание, что моего частного письма к Николаю Константиновичу, где говорилось о благожелательном отношении чешского Мин<истерства> Ин<остранных> Дел к идее Института, недостаточно и что хорошо бы было, если бы я обратился к Николаю Константиновичу официально. Вполне соглашаясь с правильностью такого хода, я и написал это английское письмо, полагая, что ответ Николая Константиновича на него мог бы послужить своего рода учредительной грамотой, явился бы отправным пунктом в новой жизни нашего учреждения, как бы некая дата в истории его роста и развития. Таково происхождение этого письма. Теперь перехожу к его содержанию. Оно, конечно, отражает те настроения, мысли и планы, которые были у меня тогда и сложились под влиянием, с одной стороны, забот и тревог об общем положении семинарских дел, а с другой и под

впечатлением моих встреч и разговоров с Николаем Константиновичем.

Придав своему письму официальный характер, я не мог развивать в нем детально никаких положений, считая уместным упомянуть только несколько соображений, которые мне казались важными и которые могли бы лечь в основу перехода нашего учреждения под покровительство Николая Константиновича, являясь в то же время достаточно обоснованными мотивами моего обращения к нему за этим покровительством. Мне казалось недостаточным в столь ответственном деле ссылаться только на то, что два создателя в области рус<ской> культуры (Рерих и Кондаков [14]) были в дружеских отношениях. Не столь уж много в таком важном деле может иметь значения и то, что я сам и кое-кто еще из членов Семинария своими знаниями и пониманием далекого прошлого России обязаны творчеству Н.К.Рериха. Этих обстоятельств, может быть, было бы достаточно для обращения за простой временной помощью. Как это, кстати сказать, и имело место, когда Николай Константинович закупил у нас некоторое количество наших изданий, чем и оказал нам большую поддержку. Но одни только упомянутые мотивы, сами по себе, как мне казалось, не давали мне права и повода звать Николая Константиновича на пост Попечителя Института. Ведь положение Попечителя (по здешнему Протектора) предполагает принципиальное согласие с тем, что делается в Институте. Только это делание, поскольку оно является культурно и общественно полезным, могло, по моему мнению, явиться фундаментальным оправданием моего обращения. А если так, то было необходимо и в оф<ициальном> письме остановиться и на содержании, и на методах работы Института и сказать, что в них нет ничего, что бы противоречило распространению и на наш Институт, наравне со всеми другими, протектората Николая Константиновича.

Вы пишете, что в Вашей десятилетней работе в связи со многими научными учреждениями Америки, Европы и Индии не возникал вопрос о методах. Это естественно и мне понятно, и у нас он не возникает при сношениях с разного рода научными установлениями, хотя среди них имеются и такие, которые в своей деятельности преследуют цели не только научные, к примеру сказать — несколько ультра-католических, иногда погрешающих в пользу исповедуемой ими доктрины. Повторяю — это понятно, т.к. в данном случае сносятся учреждения вполне независимые друг от друга, в порядке взаимной информации, оказания каких-либо услуг, наконец, совместной разработки тех или

иных научных вопросов и т.д., и т.д. В нашем же случае дело обстояло несколько иначе. Речь шла не только об организации научного контакта в указанном выше смысле, решался вопрос об установлении не временной, а постоянной и глубокой связи между учреждениями, существующими не первый год, возникшими и развивавшимися при совершенно разных условиях, а потому в борьбе за существование выработавшими каждое свой особый иммунитет, определивший и их внешнюю форму, и их внутреннюю конструкцию. При желании подвести их под одну крышу необходимо это учитывать. Я считал, да и теперь считаю, что с моей стороны было бы неправильно, если бы я не указал на эту сторону дела. Ведь я обращался к Николаю Константиновичу, а не он ко мне, значит, я и должен был сказать, что именно я предлагаю. Предлагал же я взять под покровительство уже готовое ученое учреждение, определенного характера. А что же для ученого учреждения, как не преследуемые им задачи и методы их разрешения, является характерным? Поскольку они своеобразны, постольку и само учреждение имеет право на существование. Как мне известно, сейчас вне России только мы поставили себе задачей уяснение истоков русской культуры, следуя «кондаковскому методу». О последнем так много писалось (Жебелев, Айналов, Миннс [15] и др.), что, я думаю, мне излишне на нем останавливаться. И вот, если с этой точки зрения сопоставить «Семинарий имени Н.П.Кондакова» с «Институтом Соединенных Искусств» и с Институтом «Урусвати», то различие выступит тотчас же. В первом случае мы имеем с одной стороны акт искусства с его откровениями, а с другой — акт науки с ее открытиями. Во втором случае, хотя перед нами два научных учреждения, но задачи и приемы исследования у них разные. Вы сами прекрасно знаете, как и материал, и условия его использования в значительной, а часто и в полной мере определяют методы, применяемые при его исследовании. Мы (т.е. Семинарий) — вынужденные теоретики. Практическая работа в виде раскопок не только в России, но даже и здесь, за границей, для нас закрыта. Гораздо чаще приходится пользоваться материалом воспроизведенным, чем наблюдать его непосредственно. Все это накладывает на нас особый отпечаток. У Вас же, в «Урусвати», картина иная: Вы не только стоите в непосредственном соприкосновении с объектом Вашего исследования, но и сами его добываете. На Вас лежит ученая обязанность проверки уже вошедших в научный обиход приемов и изобретения новых, если старые методы оказываются бессильными при разрешении возникающих вопросов.

Сейчас я имею в виду археологическое отделение Вашего Института, но как ученое учреждение, он ставит себе цели более широкие — в круг его заданий входят исследования и естественно-исторические, и медицинские. Значит, «Урусвати», кроме указанных выше особенностей, отличается и универсальностью своих задач по сравнению с узко специальным назначением нашего Института. Можно было бы еще немало написать на затронутую Вами тему, но думаю, я уже ответил на Ваш вопрос о методах. Хочется думать, что попутно пояснил и то, почему не писал подробно обо всем этом в своем английском письме, которое, ведь, не было докладной запиской, а лишь оф<ициальным> обращением, какое, само собою разумеется, предполагает предварительные принципиальные переговоры.

Чтобы покончить с английским письмом своим, остановлюсь еще на одном пункте его, включенном мною в цитированный Вами отрывок, хотя Вы и не ставите мне по поводу его никаких вопросов. Говорю о том, что написано у меня в скобках. И здесь опять-таки я ограничился лишь намеком из-за официальности письма. Суть же сводится к следующему. Интенсивность и продуктивность работы Семинария, я сказал бы, его научная чуткость, быстрое реагирование на запросы современной научной мысли находятся в прямой зависимости от той самостоятельности, которой он пользовался как во внутренней своей жизни, так и во внешних своих сношениях. Эта автономность есть одна из основ его существования. Она определяет преемственность традиции, с ее уничтожением замрут и погибнут основные, жизненные функции нашего Института, ибо исчезнет самодеятельность. В этом отношении мы, конечно, не представляем какого-либо исключения и подчиняемся общему закону развития любого общественного объединения или установления, созданного частной инициативой. Мне казалось совершенно необходимым упомянуть в обращении об этой стороне дела, столь существенной и так часто вызывающей разного рода трения между учреждениями, поставленными в ту или иную степень зависимости друг от друга.

Фраза, вызвавшая у Вас недоумения, начинается у меня словом «хотя», т.к. я глубоко убежден, что все указанные мною различия ни в какой мере не могли служить препятствием для дружной и совместной работы тех разнообразных учреждений, о которых шла речь. Не будь у меня этого убеждения, я не обратился бы к Николаю Константиновичу со своим предложением. Для меня нет вопроса о том, что и возможно, и логично объединение под одним общим протекторатом и научных, и

художественных учреждений, ибо разделяю мнение, что «человек не только «наука», он мыслит и переживает не только научными методами». Своего рода «*co-incidentia oppositorum*»,* осуществленная Николаем Константиновичем в созданных им учреждениях, меня глубоко взволновала и была побудительной причиной того, что я заговорил с ним о делах Семинария.

Однако я вижу, мое интерпретирование самого себя затянулось, а потому кончаю его и прошу верить, что произошло это от искреннего желания выяснить недоумение, которое вызвал у Вас заключительный параграф моего письма.

Перехожу теперь к положению Семинария и к вопросу о преобразовании его в Институт, но предварительно не откажите в любезности передать Николаю Константиновичу и всем сотрудникам Вашего Музея мою благодарность за доброе отношение и к Семинарию, и ко мне лично. Мне было весьма утешительно прочесть об этом в Вашем письме, и я радуюсь, что оно остается прежним. Сейчас больше, чем когда-либо, наше дело нуждается в поддержке друзей. Из дальнейшего Вы увидите, сколь тяжело наше положение. Однако я не считаю его безнадежным, ибо верю в милосердие Божие и смотрю на все это, как на испытание, хоть и тяжелое, но временное, ибо сказано: «претерпевый до конца, той спасется».

Вы спрашиваете об уставе Семинария. В ответ могу повторить только то, что говорил Вам здесь, в Париже; у нас не было устава, мы жили без писанной конституции. Наше дело создавалось не сверху вниз, но выросло естественно по мере того, как сама жизнь ставила вопросы. Так, в самом начале наше научное объединение имело целью дать возможность молодым нашим членам, ученикам скончавшегося ак<аде-мика> Н.П.Кондакова, закончить свою научную подготовку. Совместная и взаимная критика, под свежим еще обаянием личности покойного ученого, заменила до некоторой степени его непосредственное руководство и в то же время закрепила научную традицию, носителем и создателем которой был Н.П.Кондаков. Результат годовой работы оказался столь значительным, ученое ядро столь сильным, что к нему потянулись симпатии и ученого мира России и Запада, и культурных представителей чешского правительства, и частных благотворителей. Все это вместе дало возможность выступить Семинарию с первым томом своих трудов — Сборник в память Н.П.Кондакова. Казалось бы, миссия Семинария в этот момент получила свое завершение, т.к. все

* соединение противоположностей (лат.).

молодые его члены закончили тогда свое образование и проявили себя вполне сформировавшимися учеными. Жизнь, однако, свалила на его плечи новую тяжесть. Не следует думать, что здесь произошло нечто вроде классического «*deus ex machina*».* События развивались последовательно, логично вытекая одно из другого, и перед Семинарием встала задача организации постоянного периодического органа по вопросам изучения древностей России, Востока и Византии. К этому одинаково побуждали и положение науки в России, и необходимость постоянного участия в общеевропейской научной жизни, и необходимость объединения разбросанных, рассеянных и насильно разъединенных русских ученых сил. Так возник наш «Семинариум КондаковIANUM». Как Вы знаете, первые его томы восстанавливают единство русской науки. Тем же естественным путем становится Семинарий центром изучения русской иконы и рождается наша «Зоографика». Те же причины создают и «Скифику», а с последней Семинарий окончательно вышел на международную дорогу. Сложная, напряженная и всегда жертвенная жизнь Семинария в самом ходе ее, в повседневной работе, выработала те формы отношений и субординации, т.с. иерархическую лестницу, особую неписанную конституцию, которые регламентируют роль и положение каждого члена Семинария. Индивидуальные особенности, возраст и общественное положение определили каждому из нас то место, которое он занимает в общем деле. Это случилось тем легче, что нас очень мало.

Основан Семинарий шестью лицами: кн<ягиня> Н.Г.Яшвилъ [16], Т.Н.Родзянко [17], проф. Г.В.Вернадский [18], Н.П.Толль, Н.М.Беляев [19] и я. Общее собрание этой группы и есть верховный орган управления Семинарием по всем вопросам. За смертью Н.М.Беляева его место занял Д.А.Расовский [20], который хотя и не был среди учредителей, но работает почти с самого начала деятельности Семинария. Проф. Вернадский давно уже в Америке, однако связь с Семинарием у него полная, и по всем основным для жизни Семинария вопросам запрашивается его мнение. В самом начале, в тот первый период, о котором я говорил выше, мы различали среди членов Семинария двух руководителей: Вернадского и меня. С отъездом Вернадского и с изменением характера работы Семинария у нас установилась должность директора в моем лице. Обязанности секретаря нес все время Н.М.Беляев, а теперь Д.А.Расовский. Вся хозяйственная часть находится в руках Н.П.Толля. Таков наш административно-распорядительный аппа-

* бог из машины (лат.); развязка вследствие непредвиденного обстоятельства (обычно в конце античной трагедии божество внезапно появлялось на сцене при помощи механического приспособления).

рат. Княгиня Н.Г.Яшвилъ — наш Почетный Председатель, Т.Н.Родзянко заведует эмалевой мастерской имени княгини М.К.Тенишевой. Все перечисленные лица являются т.с. хозяевами дела, полноправными распорядителями судеб Семинария, обязанного своим существованием их энергии. Далее идет категория членов, менее ответственных, а потому и не участвующих в управлении, но все же несущих важную работу. Таких было у нас два: Д.А.Расовский, занявший теперь место покойного Беляева и помогавший одновременно и секретарю, и завед.хоз.частью, а второй — Н.В.Кузьминский, библиотекарь. У каждого из тех, кого я назвал выше, кроме административной, чиновничей, а часто и просто служительской работы, было масса дела и по ученой части всякого рода: редактирование, писание статей, доклады, рефераты, занятия со стипендиатами, корректуры, составление индексов, переводы на иностранные языки и т.д., и т.д. К рабочему ядру Семинария необходимо отнести и двух стипендиатов-студентов, ибо и они в свободное от учебы время исполняют всякую мелкую работу. В общем, ученая часть распределилась у нас так: вопросы искусства русского и византийского отошли к Н.М.Беляеву, который был редактором «Зографики»; искусство кочевников — к Н.П.Толлю, редактору «Скифики»; история Византии в ведении проф. Вернадского и проф. Острогорского [21]; древняя русская история — Д.А.Расовского; общее редактирование «Сем<инариум> Конд<аковианум>» у меня.

Маленькое, шестичленное ядро Семинария обросло толстым слоем его ученых членов. Одни из них принимают участие в наших научных заседаниях, иногда открытых, торжественных, большею же частью закрытых, семинарского характера; другие только сотрудничают в наших изданиях. Их так много, что перечислять их просто не стоит. Одно могу сказать, среди них представлены почти все те страны, где идет научная работа в интересующей нас области знания. Впрочем, почему я Вам об этом пишу, у Вас ведь имеются наши издания с их именами. Так вот, отношения ученых наших сочленов к пражскому центру также не регулировалось никакими юридическими нормами, все слагалось на почве общего научного интереса сообразно конкретным данным момента и индивидуальным особенностям личности. Вот почему влияние различных ученых членов Семинария на ход его работы не одинаково. Те из них, кому была близка идея Семинария, кому пришлось по душе наше дело, сами столь энергично реагировали на его нужды, что мнение их по отдельным вопросам бывало часто решающим и направляющим. Так,

особенно тесно связаны с Семинарием проф<ессора> Ростовцев [22], Жебелев, Миннс, Милле, Феттих, Нидерле, Тальгрэн [23].

О бюджете Семинария, в точном смысле этого слова, говорить нельзя, ибо нет главного — постоянных и определенных источников дохода. После опыта двух лет можно было подойти только к вопросу о составлении примерной, приблизительной сметы. Жизнь показала, что и на нее рассчитывать твердо не приходится. Постараюсь нарисовать вам, как складывались до сих пор наши финансы. Жалование на жизнь часть членов пражского центра получала и продолжает получать от чешского Мин<истерства> Ин<остранных> Дел в виде личной, индивидуальной субсидии. Размеры ее из года в год и даже из полугодия в полугодие уменьшаются, уже теперь сократившись ниже прожиточного минимума. Вторая, более молодая, часть нашего правления внезапно перестала получать и эти крохи, т.к. чехи энергично проводят, как они выражаются, сокращение русской акции, т.е. уничтожение поддержки русских эмигрантов, и в результате несколько сот студентов и молодых ученых буквально выброшено на улицу. Наконец, некоторые члены нашего пражского правления получают небольшую субсидию от частных лиц, что также не является особенно прочным. Т.о., самый корень нашего небольшого дерева не обеспечен питанием, и на это обстоятельство в первую голову я и обращал внимание Николая Константиновича и Ваше во время наших парижских встреч.

Вторым источником средств являлась у нас выручка от продажи наших изданий. Конечно, самое естественное ее назначение — поддержка и питание и дальнейшее развитие издательской части Семинария. Если бы дело обстояло так, то у нас не было бы с этой стороны перебоев. Часть изданий уже окупила себя, другая близка к этому, те же, которые туго распространяются, покрывались бы за счет первых. Сам факт пятилетнего существования нашего издательства свидетельствует, что оно поставлено правильно. Однако, ограничиваться только коммерческой стороной дела мы не могли, не теряя своего облика, т.е. характера ученого учреждения. Не имея другого выхода, приходилось нагружать издательскую часть расходами на научные командировки, на участие в разного рода ученых съездах, на библиотеку и, наконец, просто на выдачу небольших пособий некоторым членам Семинария, чтобы дать им возможность подкормиться, подлечиться и одеться прилично. Получающийся дефицит по издательской части отчасти покрывался частными пожертвованиями, впрочем, весьма незначительными, отчасти небольшо-

ми пособиями от Славянского Института в Праге и от Мин<истерства> Нар<одного> Просв<ещения>.

При составлении сметы, а затем и денежных отчетов, личные субсидии членов Семинария, получаемые ими не из кассы Семинария, а непосредственно от выдающих их учреждений и лиц, не принимаются по тактическим соображениям в расчет и потому в эти сметы и отчеты не входят. Не включаем мы пока в общую смету и эмалевую мастерскую, т.к. она только что стала работать и не дает еще ясной картины.

Вот передо мной денежный отчет Семинария за прошлый 1930-й год. Из него видно, что приход за 1930 г. — 3.485,75 дол. и 244.832,09 крон, расход за 1930 г. — 3.446,65 дол. и 214.768,56 крон; остаток на 1 янв<аря> 1931 г. — 39,10 дол. и 29.963,53 крон. Как видите, счет у нас ведется в двух валютах: амер.дол<ларах> и чеш.кронах. 1 доллар стоит немного больше 33-х крон, а потому наш годово́й оборот превышает четверть миллиона на наши деньги, не считая, как я уже сказал, личного содержания членов Правления, по сравнению с этим весьма ничтожного, не превышающего, вероятно, 60-ти тысяч крон в год. Для характеристики того, насколько издательство было в прошлом году перегружено посторонними для него расходами, приведу еще несколько цифр из того же отчета. Продажа изданий Семинария дала: 1.465,86 дол. и 95.331,09 крон, а расходы по издательству выразились в сумме — 105.985,35 крон; остаток приблизительно в 38 тысяч ушел на все другие нужды Семинария, о которых я говорил выше.

Итак, у нас нет твердой финансовой базы, и если тем не менее удалось что-либо сделать, то этим Семинарий обязан исключительно самоотверженности и героическому энтузиазму людей, ничего не жалеющих для осуществления его основной идеи — сохранения и продолжения русской научной традиции, созданной кондаковской школой.

Материальное положение Семинария в настоящее время особенно тяжело. Политика сокращений, проводимая в настоящее время чешским правительством, отразилась на нас и еще с одной стороны. До сих пор наши издания закупались местными министерствами в значительном количестве для разного рода библиотек и музеев. Теперь это прекращено, и у нас предвидится уже теперь дефицит в 30 тысяч крон, иными словами, приходится приостановить печатание изданий. Этот перерыв не был бы страшен, если бы одновременно, как я сказал, часть членов Семинария не оказалась без субсидии. Вызывает беспокойство положе-

ние и наших двух стипендиатов-студентов, на содержание которых мы получали деньги из канцелярии Президента Республики.

По мере того, как развивалась и разворачивалась жизнь Семинария, для меня становились ясными два процесса. С одной стороны, в научном отношении, он к концу пятого года окончательно потерял характер того подсобного (в университетах) учреждения, которое обыкновенно носит это название, и фактически превратился в настоящий археологический институт, именно русский археологический институт за границей, хотя в значительной степени еще в зачаточной, незавершенной форме, точнее, в той форме, в которой находится набухшая почка. Для завершения не хватает одного: более или менее твердо обеспеченного на продолжительное время существования, хотя бы только в виде закрепления прожиточного минимума для его работников. Второй процесс — постепенное разрушение той материальной базы, на которой строилась работа Семинария и которая определила в конце концов ее размах. Причины тому сложные и коренятся в тех условиях, в которых приходится жить русской эмиграции в Чехии. Был момент, когда нужно было создать т.н. «русскую акцию» [24], далее усиленно ее поддерживать, но наступил другой, и ее в ускоренном темпе уничтожают. Где рубят лес, там щепки летят. Мы в этом отношении не представляем исключения из общего правила, и все наши друзья помочь нам не могут, т.к. дело не в личных симпатиях, а в общем ходе политики. Тенденция эта стала проявляться давно, и стали мы искать выхода. В культурных учреждениях Праги я не нашел отклика: для правительственных мы уже сыграли свою роль, а в ученых мы встретили сухость и холодность, скорее даже недоброжелательство, вызванное страхом, что мы, чужеземцы, можем стать им поперек дороги, лишить их каких-то лавров, одним словом, путаемся под ногами, как выразился один из тамошних профессоров. В это время мы и встретились с Вами в Париже. Положение не было еще столь острым, как теперь, т.к. со всех сторон я слышал заверения, что ликвидация «акции» будет производиться постепенно и пока не коснется Семинария. На деле вышло иное.

На этом и закончу о Семинарии собственно. Перехожу к тому, что сделано по преобразованию его в Институт. Когда осенью прошлого года, получив согласие Николая Константиновича принять звание Попечителя (Протектора) и оказывать ежегодную денежную поддержку, предназначенную для увеличения личного содержания членов нашего правления, я вернулся в Прагу, то тотчас же начал хлопоты по

осуществлению этого преобразования. Имея всегда дело с Мин<истерством> Ин<остранных> Дел, я там и начал впервые об этом говорить. Выяснилось, что чешский закон не знает частных ученых институтов в том смысле, как это было у нас в России, а только государственные. Наша легализация поэтому могла произойти или в виде нашей регистрации в форме научного общества с обычным для таких учреждений уставом, или через преобразование в пражское отделение какого-либо иностранного Института или Общества, или, наконец, вступлением нашим под протекторат какого-нибудь иностранного учреждения или лица. В последних двух случаях мы могли бы иметь свой оригинальный устав. По мнению того члена правительства, с которым я говорил, для Мин<истерства> Ин<остранных> Дел эти последние два типа преобразования представили бы некоторый интерес. Нас рассматривали бы, как еще одно международное, а не эмигрантское, учреждение. Ход мысли моего собеседника мне был понятен, т.к. мы, русские изгнанники, достаточно уже надоели, но, с другой стороны, здесь стремятся изо всех сил превратить Прагу в культурный центр для всей славянской Европы, а потому я тотчас же услышал, что в случае нашего перехода на положение международного ученого учреждения мы могли бы рассчитывать на материальную поддержку со стороны Мин<истерства> Ин<остранных> Дел. Было мне сказано и подчеркнуто, что разговор наш носит совершенно частный и конфиденциальный характер. Вот почему в своем письме к Николаю Константиновичу я и мог только написать, что идея Института встречает сочувствие в Мин<истерстве> Ин<остранных> Дел. Во время того же разговора мне было указано, что Мин<истер>-ство окажет всяческое содействие, но я не должен начинать дела, не заручившись предварительным согласием учреждения или лица, берущего на себя попечительство. В ответ мною было сказано, что таковое мною уже получено в Париже от Николая Константиновича. Далее за деталями я должен был обратиться в разные канцелярии и формально начать дело. Довести его до конца я не смог из-за болезни. А тем временем легализацию провести было необходимо. Возобновлять переговоры после письма Николая Константиновича о том, что все откладывается на неопределенное время, я считал совершенно невозможным, да и из Парижа вести их немислимо. Пришлось избрать путь наиболее простой и скорый, примириться с несовсем подходящей формой, но сохранить содержание. Н.П.Толль, исполняющий сейчас обязанности директора, провел регистрацию научного общества: «Археологический

Институт имени Н.П.Кондакова». Т.о., Семинария уже нет, родился Институт.

Не могу Вам прислать сейчас устава, т.к. у меня самого только один экземпляр, да и тот на чешском языке. Как получу из Праги русский, тотчас же вышлю. Отмечу пока только параграфы, касающиеся внутренней конструкции Института. Параграф 5-й, средства Института: членские взносы, доходы от продажи изданий, пожертвования; 6-й, члены Института: жертвователи, почетные, учредители, действительные, корреспонденты; 10-й и 11-й, органы Инст<итута>: общее собрание и правление, последнее состоит из председателя, его заместителя, казначея и секретаря; ревизионная ком<иссия>. Устав, вообще говоря, трафаретный или, как говорят юристы, нормальный. Не в нем, конечно, дело и суть, а в том, чтобы отрицательные его стороны не помешали работе. Зависит это, конечно, от нас самих, от умения использовать все то положительное, что он может дать.

Просматриваю Ваше письмо и вижу, что не ответил еще на два Ваших вопроса: организация аффилиации и детальные планы научных работ. По первому из них хочу оговориться — мои суждения по этому вопросу, конечно, могут носить только односторонний характер, особенно в смысле самих форм аффилиации, представляя мнение лишь одного из участников этого объединения. Во всяком случае, в основе должно лежать то, о чем я говорил здесь, в Париже: возможно более близкое участие Николая Константиновича и Вас в жизни и работах нашего Института. Конкретизируя это положение, я вижу следующее. Высокое общественное и международное положение и заслуги перед русской культурой ставят Николая Константиновича вне обычного уровня рядового члена Института, даже почетного. Единственный пост, который он мог бы занять, это — Протектор Института, лицо, стоящее вне и над остальными органами Института. Насколько я могу судить по опыту Императорского Моск<овского> Археологического Института [25], роль Протектора, или, по-нашему, Попечителя, огромна. Это своего рода регулятор хода институтской машины. Являясь источником материальной поддержки, он всегда имеет возможность поднять свой голос и оказать давление в тех случаях, если бы направление деятельности Института пошло вразрез с основными принципами, на которых он был построен, или стало бы противоречить тем целям, для осуществления которых он был создан. Чрезвычайное положение Протектора несколько не мешает участию его в работах Института. Я очень хорошо помню из

практики того же Моск<овского> Института несколько раскопок, не только обязанных инициативе тогдашнего нашего Попечителя, но и произведенных им самим, а сколько раз я сам в качестве секретаря вносил на обсуждение и разработку Совета И<нститу>та проекты и темы, предложенные тем же Попечителем.

Развертывание работы Института представляется мне невозможным без внутренней его дифференциации — он необходимо должен расчлениться на специальные научные отделения, во главе которых, как заведующие ими, должны стать учредители и действительные члены. Логически вытекая из общей идеи нашего Института, эти отделения явятся в то же время и естественным завершением предыдущей научной деятельности Семинария. Некоторые из них уже и теперь достаточно ясно определились, другие проявились слабее, иные же были только задуманы, но не могли по разным причинам выявиться. Я вижу пять таких отделений: 1 — археологическое, 2 — истории искусств, 3 — византийское, 4 — древней русской истории, 5 — восточное. Вот, когда я думаю об аффилиации, то мне представляется, что заведывание восточным отделом естественнее всего должно отойти к Вам.

Хочется повторить еще раз, что рассматриваю этот вопрос только из своего угла, т.е. с точки зрения вовлечения Вас в работу нашего Института. О том, что можем мы дать Вам, как и в какой форме могли бы мы осуществить аффилиацию участием в деятельности Вашего Института, судить об этом можете только Вы.

Наконец, последний вопрос, о планах научных работ. Это, прежде всего, задачи общего и притом научно-организационного характера, имеющие в виду объединение научных специалистов и концентрацию их работ в целях постановки на очередь, а также и разрешения, поскольку это возможно в данный момент, важнейших вопросов, связанных с двумя проблемами русской археологической науки: иконоведение и кочевниковедение. Попервоначально казалось возможным положить в основу материал и работу ученых в России, но затем пришлось отказаться от этой мысли и перестроить весь план на Запад и д<аже> Восток.

Изучение иконы как памятника истории искусства и религиозно-бытового явления в задуманном нами плане касается вопросов о принятых византийских оригиналах и о степени достоверности сообщений древних сказаний и легенд. После Владимирской иконы Божьей Матери намечены были к исследованию и опубликованию Ланской Спас, Умиление из собрания Солдатенковых, Знамение Божьей Матери

Курской-Коренной и несколько чудотворных икон, находящихся в Чехословакии. В поисках дальнейшего материала предположено было обратиться на Балканы (Югославия, Болгария, Афон, Греция). Всю эту работу вел покойный Н.М.Беляев.

Вторая задача — изучение древностей кочевников — Вам более знакома, ибо Вы один из тех, кто участвует в построении здания «Скифики». Поэтому прибавлю только одно — круг ученых, группирующихся вокруг этого центра, все растет, захватывая специалистов от степей Паннонии через Тибет до берегов Тихого океана, т.е. распространяется на территорию всей Скифии. Н.П.Толь, который стоит во главе этого дела, сумел привлечь к работе не только венгерских ученых, но и немцев, и даже самого Цана, а в портфеле редакции лежит работа проф. Умегары из Токио [26]. Если бы не наша бедность, а попросту говоря, нищета, то мы могли бы вполне оправдать общее мнение наших критиков. Совсем на днях я читал отзыв о IV-м томе нашего ежегодника. Рецензент пишет: «русская наука может гордиться им, а сотрудничество русских и европейских ученых окажется — и уже оказалось — несомненно плодотворным и для самой западной историографии и историософии».

Научно-исследовательская работа, производившаяся внутри Семинария и переходящая по наследству к Институту, носит по сравнению с предыдущим более частный характер, ибо определяется личными вкусами и индивидуальными наклонностями каждого участника общей работы, отображая, т.о., реальное соотношение наших научных сил. Влияет на выработку соответствующих планов этой работы также наличие и доступность научного материала. Кое-что из задуманного уже реализовано, кое-что остается еще пока только намеченным. Так, задуманная Семинарием разработка вопросов истории торевтики вылилась в ряд исследований по истории фибулы в Византии и в России. Работа не закончена и потребует еще нескольких лет. Темы эти разрабатывали двое: покойный Н.М.Беляев и я. Далее, пересмотром заново вопроса о средневековых тканях занимается Н.П.Толь, которому удалось собрать колоссальный материал на эту тему. Результаты его работы — несколько статей о сассанидских тканях — являются началом осуществления намеченного плана. Большой труд уже проделан по пересмотру текста, составлению комментария и переводу на рус<ский> и нем<ецкий> языки книги Константина Порфирородного «О церемониях». Если бы удалось закончить эту работу и опубликовать ее результаты, то это было бы началом осуществления давно задуманного нами плана ознакомления

широкого круга лиц, интересующихся византийской литературой, с основными ее памятниками, т.к. предполагалось издать целый ряд и других византийских писателей. Во главе этого дела стоят проф. Вернадский и проф. Острогорский.

В области древней русской истории Семинарий вел систематическую работу в двух направлениях. Сложные и трудные вопросы метрологии с большим успехом прорабатывает проф. Н.Т.Беляев [27]. Опубликованные им статьи не только оказали влияние на перемену взглядов в этой области, но приняты уже к практическому руководству при классификации соответствующего материала в Британском Музее. Д.А.Расовский занят выяснением роли половцев и других кочевников в истории Руси и уже опубликовал часть своих, весьма ценных, исследований, являющихся предварительными очерками большой работы, несомненно прольющей свет, как уже это видно и теперь, в темный уголок нашей истории XII-XIII вв. Эта последняя работа тесно связана с общим нашим интересом к кочевническому миру.

Я Вам дал общие линии, по которым шла научная работа Семинария. Попутно возникающие вопросы и темы разрабатывались обычно на ученых собраниях Семинария и публиковались в его ежегоднике («Семинариум» Конд<аковинум>»), а также и в разных изданиях других ученых учреждений.

На этом и закончу мое затянувшееся послание. Буду очень рад, если внес этим больше ясности, и глубоко опечален, если этого мне не удалось сделать.

Передайте, пожалуйста, мой сердечный привет и наилучшие пожелания Николаю Константиновичу и Елене Ивановне.

Ваш А.Калитинский

8.

А.П.Калитинский — Ю.Н.Рериху

12 октября 1931 г.

Дорогой Юрий Николаевич,

Посылаю Вам корректуру русского перевода нашего устава. Кроме того, могу Вам сообщить и распределение должностей: председатель — я,

заместитель — Н.П.Толль, казначей — кн. Н.Г.Яшвиль, секретарь — Д.А.Расовский, ревизоры — Т.Н.Родзянко и проф. Г.А.Острогорский. Дабы парализовать вредное влияние чрезмерно демократического устава, решили ограничить число действительных членов 12-ю, считая в том числе и учредителей. Т.о., распоряжаться судьбами Института будут только те, кто фактически будет работать в нем, т.е. администрация и заведующие отделами. Первая, как видите, уже сконструировалась, что касается вторых, то к выбору их будет приступлено после того, как получим ответ от тех ученых, к которым мы обратились с предложением. Ждем и от Вас ответа насчет восточного отделения, о котором я Вам писал в своем последнем письме.

Спасибо за присылку «Журнала» Вашего Института. Поздравляю с успехом — он интересен по содержанию и прекрасно издан. Очень радуюсь Вашей «Тибетике». Пошли Вам Бог всяческого успеха и преуспеяния и на этом пути.

Передайте, пожалуйста, и от М<арьи> Н<иколаевны> и от меня сердечный привет Елене Ивановне и Николаю Константиновичу. Всего наилучшего.

А.Калитинский

9.

Ю.Н.Рерих — А.П.Калитинскому

Наггар, 18.X.1931

Дорогой Александр Петрович,

Получил Ваше письмо от 20.IX.31 и рад возможности ответить на него. Содержание его я передал Николаю Константиновичу, и мне поручено снестись с Вами по поводу вопросов, затронутых в Вашем письме. Мы вполне признаем, что каждая научная область, даже такие близкие области, как историко-археологические исследования, выработали свои особые методы исследования и интерпретации источников. Основным положением всех учреждений, находящихся под руководством Николая Константиновича, является полная автономность, а также сохранение тех культурных задач, которым служит каждое данное

учреждение. Объединительным звеном между ними является имя Николая Константиновича, а также то основное положение культурного строительства, которое является как бы уставом всех учреждений Музея. Каждое учреждение, сохраняя свою административно-хозяйственную автономию, участвует в общей жизни учреждений имени Николая Константиновича, сотрудничая с различными отделениями Музея. Годовые отчеты, а также совместная выработка планов на будущее, создают ту солидарность целей и действий, которая совершенно необходима во всякой совместной работе, тем более в работе учреждений, работающих на четырех континентах. Полная координация действий достигается также тем полным взаимным доверием, которым пользуются главы различных учреждений Музея. На каждом, конечно, лежит ответственность за деятельность вверенного ему учреждения, а также охранение его от внешних попыток ввести его в какие-либо политические группировки. В последнее время это особенно насущно, ибо каждое развивающееся учреждение становится объектом постоянного натиска со стороны множества образований, преследующих личные цели.

Перехожу теперь ко второй части Вашего письма. Так же, как и всем Вам, нам близка и дорога цель сохранения отечественной науки, сохранения ее для будущего и бережное ее выявление в жизни настоящего. Эта неугасимая лампада, о которой постоянно говорит Николай Константинович, является одной из руководящих идей наших учреждений в США. В этом у нас не может быть расхождений. Весьма прискорбно, что политика сокращений в Чехословакии коснулась культурного учреждения. Если Вы нам напишете, с кем именно имел дело Семинарий и с каким именно отделом правительственного аппарата имел сношения, можно было бы попытаться остановить ход ликвидации. Для этого нужны подробности настоящего положения, дабы дать возможность Николаю Константиновичу и нашим представителям в Европе произвести давление на правительственно-общественные круги Праги. Приводимые Вами слова члена Правительства о возможности поддержки Института Мин<истерством> Ин<остранных> Дел в случае превращения Семинария в международное учреждение, работающее совместно с иностранным учреждением, заслуживает полного внимания. Имея формальное заверение со стороны Правительства, легче поднять вопрос финансовой поддержки Института им. акад.Кондакова. Не откажите сообщить нам имя этого лица, а также настоящий ход дела. Это поможет установить план действий на будущее.

С интересом ознакомимся с уставом Института, а также с IV томом Сем<инариум> Конд<аковинум>. Еще раз хочу повторить, что отношение всех нас к Институту им. акад. Кондакова и к производимой им замечательной научной работе остается прежнее.

В I вып<уске> Известий нашего Гималайского Института поместил отзыв о книге Феттиха, Скифика II. Надеюсь, Вы получили его. По-прежнему хотелось бы иметь Вашу статью о способах раскопок курганов, или какую-либо другую статью на близкую Вам тему. Второй вып<уск> наших Известий выйдет в Марте, 1932. Вышла моя книга «Пути по Средней Азии». Почта приносит весьма хорошие отзывы, в том числе Свена Гедина и других исследователей Средней Азии. Не откажите прислать нашему Институту отзывы, появившиеся о моей книге в серии «Скифика». Подготавливаем к печатанию I том нашей серии «Тибетика». Должен выйти в течение 1932. Начали обширную работу по составлению исчерпывающего словаря Тибетского языка, который должен включить весь материал существующих словарей, а также богатый лингвистический материал китайско-тибет<ских>, монголо-тибетских, санскрито-тибетских словарей. Работа займет несколько лет, но надеемся выпустить словарь в 1934-35 гг.

Шлем Вам сердечный привет и наилучшие пожелания.
Искренне Ваш,

<Ю.Рерих>

10.

А.П.Калитинский — Ю.Н.Рериху

Париж, 16 ноября 1931 г.

Дорогой Юрий Николаевич,

Получил Ваше письмо, писанное 18.X.31. Из него я вижу, что мы стоим на одной и той же точке зрения в вопросах о «методах» и об «автономии». Значит, в дальнейших переговорах к ним возвращаться уже не будем.

Очень тронут вниманием Николая Константиновича и его заботливостью о наших пражских делах. Поблагодарите его, но они у нас столь сложны, что я и не придумую, как и в какой форме мы могли бы

воспользоваться его добрым предложением. Что касается воздействия на ход ликвидации русской акции в Праге, то вряд ли возможно что-либо сделать в этом отношении, т.к. парламентом приняты определенные постановления, касающиеся всех вообще рус<ских> эмигрантов, а значит, в том числе, и нас. Небольшой же нашей кучке выделяться в особую привилегированную группу, какую-то элиту, забронированную от бед, не подобает, да и вряд ли мои соратники захотят этого, если спросить каждого из них. Есть у меня и еще одно соображение против вовлечения Николая Константиновича в это дело. Из каких бы мотивов и соображений помощи деятелям рус<ской> культуры он ни исходил, всегда его выступление будет истолковано и объективно примет характер политического акта, направленного в пользу «белых». Такова уж в Праге обстановка, и русская акция находится в центре борьбы политических страстей. Обращаю Ваше внимание на это обстоятельство, т.к. и Вы сами, в последнем письме своем, упоминаете о «политических группировках» и о натиске их.

Вижу, что вышло у нас с Вами небольшое недоразумение, порожденное, по-видимому, неясностью моего изложения. Прошу прощения, что невольно ввел Вас в заблуждение. Дело в следующем. Слова правительственного лица, о котором я писал Вам, ни в коем случае не могут быть рассматриваемы, как «формальное заверение со стороны Правительства». Они носят характер частный, даже интимный, оглашению они не подлежат и в официальных сношениях базироваться на них нельзя. Весь смысл их и значение в том, что они являются свидетельством наличия друзей, дающих хорошие советы и желающих прийти на помощь.

Что же касается возбуждения перед чешским Правительством просьбы о финансовой поддержке Института им.Н.П.Кондакова как научного учреждения, работающего в международном масштабе, то мы это могли бы сделать, если бы Институт уже пользовался подобной же поддержкой со стороны какого-либо иностранного учреждения, как я об этом и писал Вам в своем письме от 20.IX.31. Только в этом случае можно было бы надеяться, что просьба наша встретила бы полное сочувствие.

Очень и очень благодарю Вас за лестное приглашение участвовать в Известиях Гималайского Института. При первой же возможности воспользуюсь им. Ваш отзыв о книге Феттиха читал и одобряю, и вообще поражаюсь Вашей туго закрученной пружине, приводящей в движение столько колес в стольких механизмах.

Пишу в Прагу Николаю Петровичу <Толлю> о Вашем желании иметь отзывы по поводу Вашей статьи о «зверином стиле» в Тибете. Если что-либо уже имеется, он, конечно, Вам придет. Вашу книгу «Пути по Средней Азии» пока только видел, но еще не читал.

Передайте всем мой сердечный привет и добрые пожелания.

А.Калитинский

11.

Ю.Н.Рерих — А.П.Калитинскому

Наггар, 31.XII.1931

Дорогой Александр Петрович,

Прошу передать Институту им. акад.Кондакова мою сердечную благодарность за предложение принять участие в работах восточного отделения Института. Конечно, этот вопрос можно будет оформить по выяснении основной проблемы аффилиации. Устав Института, пересланный в Вашем письме от 12-го окт<ября> 1931 г., представляет общепринятую форму уставов научно-исследовательских учреждений, и вместе с другими материалами об Институте переслан в Совет Музея в Н<ью>-И<орке>. Сожалею, что Вы не нашли возможным сообщить нам краткого описания положения Института в прошлом и настоящем. Мы совершенно не настаиваем на подробном изложении всех многообразных отношений между Институтом и Правительством Чехословакии. Но нам совершенно необходимо знать, с каким именно отделом Правительства Институт имел дело, каков был годовой бюджет Семинария, а также размер денежной помощи, оказываемой Правительством Институту (до и после сокращения), и количество покупаемых Министерством экз<емпляров> изданий Семинария. Все эти сведения необходимы для составления краткого <обозрения> для представления Совету Музея. Настоящее тяжелое время экономических потрясений усложнило общее положение, и члены Совета Музея справедливо настаивают на всестороннем выяснении вопроса. Наш Музей, в своих постоянных сношениях с Чехословакией, действует через Правительственные круги, с которыми установились дружественные и даже личные отношения (телеграммы Масарика и Бенеша [28] к 10-лет<ию> Музея). Ген<еральный>

Консул Чехословакии в Нью-Йорке является членом Музея, и было бы странно, если бы мы не привлекли их к этому делу. Я не совсем понимаю Ваше нежелание выделяться в особую привилегированную группу. Ведь Институт с его широкой программой является международным научным учреждением, а не эмиграционной организацией. Этот международный характер Института исключает возможность характеризовать его как учреждение той или другой политической окраски. Каждый том Известий Института ярко подчеркивает этот международный характер Вашего учреждения. Достижения русской культуры являются международным достоянием, и мы уверены, что цели института по-прежнему близки руководителям Правительства Чехословакии.

Вы уже, наверное, знаете, что в Америке удалось заинтересовать одно видное лицо католического мира в издании «Мадонны» Кондакова. Надеюсь, эти переговоры об издании принесут результаты.

Шлем Вам сердечные пожелания в наступающем Году.
Искренне Ваш,

<Ю.Рерих>

12.

А.П.Калитинский — Ю.Н.Рериху

14, rue Nanyesser, Paris,
3 февраля 1932 г.

Дорогой Юрий Николаевич,

Получил Ваше письмо от 31.XII.31. Вы, конечно, совершенно правы в том, что оформление вопроса о восточном отделении может быть сделано лишь по выяснении основной проблемы аффилиации. Совершенно ясно, что все, затронутые до сих пор в наших переговорах вопросы, все, о чем мы сейчас договариваемся, на чем сходимся — все это остается, пока что, проектом, будь то вопрос Протектората, восточного отделения или чего-либо другого, менее важного. До получения положительного ответа от Совета Вашего Музея о том, что он берет на себя материальную поддержку Института, все находится в стадии предварительных переговоров, и все надуманные нами отделения, должности и звания остаются предположительными. И с формальной точки зрения, и

по существу дела это бесспорно, ибо сначала необходимо заложить фундамент, а потом уже строить здание, о стиле которого, однако, следует заранее сговориться.

Рад узнать, что устав наш и другие материалы об Институте Вы переслали в Совет Музея в Нью-Йорке. Я думаю, что и Вы сами чувствуете, что назрело уже время окончательного решения в ту или иную сторону. Надеюсь, что теперь Совет Музея, на основании имеющегося у него материала (и, по-моему, исчерпывающего вопрос), вынесет какое-нибудь определенное решение. Ведь дилемма ясна и проста: или мы заинтересовали Музей, и он включит в круг своих культурных заданий помощь нашему делу, или Музей не имеет возможности и намерения оказывать нам денежной поддержки, и тогда наши переговоры также пришли бы к их естественному концу.

Вы выражаете сожаление, что я «не нашел возможным сообщить краткое описание положения Института в прошлом и настоящем». Но обо всем этом я писал Вам и вовсе, как будто, не кратко. Впрочем, не будем спорить — раз есть вопросы, на них следует отвечать, хотя ничего нового к тому, что мною написано, прибавить не могу. Следую порядку Ваших вопросов. 1) Наш Институт имел и имеет дело с разными отделами правительственного аппарата Чехословакии, в зависимости от характера тех вопросов, которые ему приходится выяснять и решать: иногда это Мин<истерство> Ин<остранных> Дел, иногда Мин<истерство> Нар<одного> Просв<ещения>, а также Мин<истерство> Внутр<енних> Дел, в ведении которого находятся все общества и учреждения, работающие в пределах Республики. 2) Годовой бюджет Семинария равнялся, в среднем и в круглых цифрах, 300.000 крон. Сюда не входило личное содержание тех 6-ти членов Семинария, которые фактически вели дело. Положение не изменилось и с преобразованием Семинария в Институт. Установление соответствующей статьи в бюджете Института потребовало бы 60-ти с небольшим тысяч крон, т.е. 2.000 амер.дол., в год. Об этой последней сумме я и Николаю Константиновичу говорил здесь, в Париже, и Вам писал, когда имел в виду материальную помощь со стороны Вашего Музея. 3) Постоянной и прямой денежной помощи ни Семинарию, ни Институту, как таковым, Правительством не оказывалось. Бывали случаи, когда по специальному нашему ходатайству отделения Министерства выдавали небольшие суммы от 2-х до 5-ти тысяч крон. 4) Количество покупаемых разными Министерствами наших изданий не было постоянным. В первые годы

(до общего сокращения государственных расходов) мы продавали правительственным учреждениям в общем около 50 экз<емпляров> каждого издания, теперь же покупка сократилась до нескольких экз<емпляров>, и то не всех изданий.

Вы пишете о большой симпатии, проявленной к Вашему делу со стороны представителей Чехословацкого государства. Меня это несколько не удивляет, т.к. чехи вообще народ очень культурный, а названные Вами лица являются одними из наиболее ярких деятелей современной Европы, оба они, и Президент Масарик, и министр Бенеш, — люди большого ума и не меньшего таланта.

Возвращаюсь, однако, к нашим делам. О каком привлечении названных лиц Вы говорите? Вы мне ничего об этом не писали. Боюсь, как бы не вышло какого-либо недоразумения. Не следует забывать, что в настоящее время уже не существует частной группы лиц, объединенных когда-то под титулом «Семинария», но официальное, законом признанное учреждение: «Институт», а потому все, что его касается, может быть предпринято не иначе, как с согласия и по постановлению его Правления. Если Вы намечаете какие-либо шаги, нас касающиеся, то не откажите предварительно известить меня, дабы Правление обсудило их со своей стороны и вынесло определенное решение. Этим мы избежим разногласия и всяких непредвиденных трений.

Что касается моих соображений об «особой привил<егированной> группе» и т.д., то их не так трудно понять. Нужно только помнить, что личное содержание членов Института идет не из кассы Института, а является беженской субсидией, как и у всех остальных русских эмигрантов в Чехии. Всякая попытка увеличить или забронировать ее для членов Института и есть то, что поставит их именно в привилегированное положение по отношению к другим эмигрантам.

Впервые из Вашего письма узнаю, что в Америке кто-то заинтересовался изданием «Мадонны» Кондакова. Исполать тому, кто даст возможность научному миру еще раз услышать авторитетный голос нашего знаменитого ученого. Видно, американские католики отличаются от тех, что в Риме. Насколько я знаю, Св. Престол отказался по некоторым соображениям печатать труд Кондакова.

Благодарю за пожелания к новому году, прошу принять мой привет Вам и Николаю Константиновичу.

А.Калитинский

Примечания

1. Речь идет об издании в серии «Скифика» книги Ю.Н.Рериха «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» на русском и английском языках.
2. Поппе Николай Николаевич (1897-1991), лингвист, автор многочисленных исследований, посвященных монгольскому и бурятскому языкам. С 1941 г. жил в эмиграции.
«Последние новости» — ежедневная газета, издавалась в Париже под ред. М.Л.Гольдштейна и П.Н.Милюкова с 1920 по 1940 гг.
3. Бартольд Василий Васильевич (1869-1930), востоковед, академик Петерб. АН (1913).
4. Толль (Толь) Николай Петрович (1894-1975), археолог, доктор философии Карлова университета (Прага), зам. директора Института им. Н.П.Кондакова; в 1934-1937 гг. участвовал в американской экспедиции на раскопках Дура-Эуропос; в 1938 г. переехал в США.
5. Уланов Бадма Наран (1886-1969), сын исследователя Центральной Азии русского обер-офицера Нарана Уланова, возглавлял эмигрантскую организацию — Калмыцкую комиссию культурных работников в Праге.
6. Гейтнер П. (Geuthner), издатель, сотрудничал с Рерихами по изданию книг во Франции.
7. Успенский Федор Иванович (1845-1928), русский историк, проф. СПб университета (1870), академик Петерб. АН (1900).
8. Святополк-Четвертинская Екатерина Константиновна (ум. 1942), княгиня, ближайшая подруга и сподвижница кн. М.К.Тенишевой (1867-1928). Благодаря усилиям Святополк-Четвертинской и А.П.Калитинского в 1930 г. в Праге была издана диссертация Тенишевой «Эмаль и инкрустация», на защите которой в Московском археологическом институте в 1916 г. Калитинский выступал оппонентом.
9. Германова Мария Николаевна — русская актриса МХТ; жила в эмиграции в Берлине, Праге и Париже. Переписывалась с Рерихами. Жена А.П.Калитинского.
10. Имеется в виду Французское Общество им. Рериха в Париже, учрежденное в 1929 г.
11. Отец Георгий (Спаский) (1877-1934), русский священник, живший в эмиграции в Париже. Подробнее см.: Издательский комитет по увековечению памяти о.Георгия Спасского. (Париж, 1938. 368 с.). Н.К.Рерих называл о.Георгия одним из своих «последних духовников».
12. Возможно, имеются в виду Декларация Комитету Французского Общества и русской секции «Держава Культуры» и «Слово на освящение часовни Св. Преподобного Сергия, сооруженной Сибирским отделом Обще-

ства друзей Музея Рериха в Радонеге, Чураевка, штат Коннектикут». См.: Рерих Н. Держава Света. — Нью-Йорк: Алатаз, 1931. Часовня Св. Сергия в Чураевке была открыта и освящена 14 сентября 1930 г. Подробнее о часовне см.: Рериховский вестник. 1992. Вып. 4. С. 56-57.

13. Труд Н.П.Кондакова «Русская икона» предполагался к изданию в Праге в 4-х томах: I — 1928, II — 1929, III — 1931, IV — 1933. Последний том издан не был.

14. Кондаков Никодим Павлович (1844-1925), русский ученый, специалист по истории византийского и древнерусского искусства, академик Петерб. АН (1898); проживал в эмиграции (с 1922) в Софии и Праге.

15. Жебелёв Сергей Александрович (1867-1941), русский историк, акад. АН СССР (1927). Автор статей и монографий по византийской и русско-византийской археологии.

Айналов Дмитрий Васильевич (1862-1939), русский ученый, историк искусства, чл.-корр. Петерб. АН (1914). Труды посвящены преимущественно византийскому и древнерусскому искусству. Многие годы работал в Эрмитаже.

Миннс (Minns, Sir Ellis Novell) (1874-1953), ученый, археолог. В 1927 г. перевел на английский яз. работу Н.П.Кондакова «Русская икона».

16. Яшвилль Наталья Григорьевна (1861-1939), княгиня, меценатка, одна из основателей Семинария Кондакова; проживала в доме, где размещался Семинарий — Slunna Str. 1, Ořechovka, Praga-6.

17. Родзянко Татьяна Николаевна (1892-1933), художник, возглавляла эмалевую мастерскую им. М.К.Тенишевой при Семинарии Кондакова; занималась вышивкой по шелку иконных изображений, лучшая икона «Знамение Божией Матери» находится в Бостоне в США; дочь кн. Н.Г.Яшвилль.

18. Вернадский Георгий Владимирович (1887-1973), историк, востоковед, проф. Карлова университета в Праге (1922-1927), затем проф. Йельского университета, США (1927-1956); известен как автор «Истории России» на англ. яз. в 3-х и 6-и томах, в основу которой положена концепция влияния духовных процессов в обществе на государственное устройство.

19. Беляев Николай Михайлович (1899-1930), доктор философии Карлова университета в Праге; один из основателей и сотрудник Института Кондакова; труды посвящены древнерусской иконописи.

20. Расовский Дмитрий Александрович (1902-1941), историк, доктор философии Карлова университета в Праге, сотрудник Института Кондакова; в 1938 г. переехал с Институтом в Белград; научные труды посвящены истории Руси и кочевникам.

21. Острогорский Георгий Александрович (1902-1976), югославский историк, специалист по истории Византии.

22. Ростовцев Михаил Иванович (1870-1952), русский историк античности и археолог. После 1918 г. жил в эмиграции. Проф. Йельского ун-та,

США. В серии «Скифика» Семинарием Кондакова выпущена его книга «Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль» (Прага, 1929) на русском и французском языках.

23. Милле (Millet Gabriel) (1867-1953), французский ученый.

Феттих (Fettich Nándor) (1900-1971) — венгерский археолог.

Нидерле Любор (1865-1944), чешский археолог, историк, ин. чл.-корр. Петерб. АН (1906). Профессор пражского университета (1898-1929). Специалист по славянским древностям.

Тальгрэн Арне Михаэль (1885-1945), финский археолог, специалист по археологии бронзового и железного века Восточной Европы.

24. «Русская акция» — государственная программа помощи России, проводимая в жизнь президентом Чехословакии Т.Г.Масариком в 20-х — 30-х годах нашего века. Одним из направлений этой программы было решение проблемы беженцев. По словам Масарика, Чехословакия считала своим долгом «собрать, сберечь и поддержать остаток культурных сил» в эмигрантской среде. В 1927 г. МИД был разработан план постепенного свертывания «русской акции». Средства, выделявшиеся из государственных источников на акцию помощи, сократились со 120 млн. крон в 1922-1923 гг. до 8 млн. крон в 1930 г. и до 3 — в 1932 г.

25. Императорский Московский Археологический Институт — высшее учебное заведение и ученая корпорация; в его задачи входила подготовка специалистов по археологии и археографии и разработка историко-археологических вопросов. Основан в 1907 г. Располагался в помещении Медведниковской гимназии в Москве в Староконюшенном переулке, между Пречистинкой и Арбатом.

26. Цан (Zahn Robert), немецкий археолог, специалист по античности.

Умегара (Umehara Sueji), японский археолог.

27. Беляев Николай Тимофеевич (1878-1955), проф. Михайловской артиллер. академии; член совета Лондонского минералогического об-ва, Общества аэропланых инженеров и Королевского ин-та; сотрудник Металлургического ин-та по сварке в Париже. Известен рядом историко-научных работ, к примеру — «О безмене в Индии» (Прага: Seminariium Kondakovianum, 1933. т. VI). Всеобщий интерес историков вызвало исследование Беляева «Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи» (Прага: SK, 1929. т. III).

28. Масарик Томаш (1850-1937), чехословацкий государственный и политический деятель; проф. философии пражского университета; президент Чехословакии (1918-1935).

Бенеш Эдуард (1884-1948), чехословацкий государственный деятель, президент Чехословакии (1935-1938, 1946-1948).